

Не оторвешься... очень точно подмечены характерные особенности языков — основа их своеобразия... Гастон Доррен, талантливый автор, легко справляется с языками и обладает недюжинным чувством юмора. «Вавилон» — бесконечно интересная книга, она доставит удовольствие даже человеку без всякой лингвистической подготовки. Весело и поучительно, и просто очень приятно читать.

NPR

Доррен знакомит читателей с тем, как выживают, развиваются и распространяются языки... Переходя от главы к главе, от языка к языку, Доррен исследует социально-политическую динамику, влияющую на речь и письмо... Увлекательное путешествие в глобальную лингвистику.

BOOKLIST

«Вавилон», как и подобает книге о языках, не сводится лишь к цифрам. Доррен мастерски подходит к делу... Он не просто дает описание языков — в каждом случае он делает упор на какой-то определенной особенности, что иногда приводит к более общим заключениям о языке в целом... Живой, выразительный слог.

IRISH INDEPENDENT

Захватывает... Масса интереснейших рассказов и ярких исторических уроков.

BIG ISSUE

Доррен в занимательной форме знакомит читателя с устройством и особенностями самых распространенных языков мира... Умелое, яркое исследование связей между языками и культурным своеобразием наций.

KIRKUS REVIEWS

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Языковая принадлежность — вещь глубоко интимная: язык принадлежит нам, а мы — ему. Язык тесно связан с основами нашего существования, памятью и чувствами, тонкой организацией мира, в котором мы живем.

Алок Рай. Хинди-национализм

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

丹青

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Содержание

Предисловие <i>Двадцать языков – половина мира</i>	9
20 Вьетнамский <i>85 млн говорящих</i> <i>Языковое скалолазание</i>	17
19 Корейский <i>85 млн говорящих</i> <i>Звуки и чувства</i>	43
18 Тамильский <i>90 млн говорящих</i> <i>Вопрос жизни и смерти</i>	65
17 Турецкий <i>90 млн говорящих</i> <i>Непоправимо улучшенный</i>	83
16 Яванский <i>95 млн говорящих</i> <i>Разговоры сверху вниз и снизу вверх</i>	103
15 Персидский <i>110 млн говорящих</i> <i>Создатели империй и строители</i>	117
14 Панджаби <i>125 млн говорящих</i> <i>Суть в тоне</i>	139
13 Японский <i>130 млн говорящих</i> <i>Лингвистический гендерный апартеид</i>	157
12 Суахили <i>135 млн говорящих</i> <i>Естественный африканский мультилингвизм</i>	171
11 Немецкий <i>200 млн говорящих</i> <i>Эксцентричность в центре Европы</i>	195

10 Французский 250 млн говорящих	
<i>Смерть различиям!</i>	211
9 Малайский 275 млн говорящих	
<i>Победитель</i>	231
8 Русский 275 млн говорящих	
<i>Кого считать индоевропейцем?</i>	251
7 Португальский 275 млн говорящих	
<i>Не в своей весовой категории</i>	267
6 Бенгальский 275 млн говорящих	
<i>Чемпионы по абугидам</i>	287
5 Арабский 375 млн говорящих	
<i>Краткий словарь нашего арабского</i>	311
4 Хинди-урду 550 млн говорящих	
<i>Нас всегда что-то разделяет</i>	337
3 Испанский 575 млн говорящих	
<i>¿Ser или estar? Вот в чем вопрос</i>	359
2 Мандаринский 1,3 млрд говорящих	
<i>Легендарные китайские иероглифы</i>	377
2b Японский (еще раз) <i>Бессистемная система</i>	398
1 Английский 1,5 млрд говорящих	
<i>Особый лингва франка?</i>	409
Примечания	
<i>Библиография</i>	431
<i>Благодарности</i>	439
<i>Уведомление об обладателях авторских прав</i>	442

Предисловие

Двадцать языков — половина мира

Пересчитать все языки так же трудно, как цвета. Стандартизированные языки, такие как английский, французский, русский или тайский, сосчитать несложно, как цвета на полотнах Мондриана. Но большую часть языков никто никогда не стандартизировал. Во многих регионах местные наречия образуют целый спектр, и понять, где кончается один язык и начинается другой, так же трудно, как выделить отдельные цвета на пейзажах Тёрнера. Поэтому точное количество языков назвать невозможно. С учетом всего этого принято считать, что сегодня на Земле говорят и пишут примерно на шести тысячах языков — в среднем по одному на каждые 1,25 млн человек. Поразительное разнообразие; поистине мы живем в Вавилоне!

Или все же нет? Вот другая статистика: выучив всего четыре языка: английский, мандаринский¹, испанский и хинди-урду,

¹ Классификация китайских диалектов — вопрос спорный; английская и русская терминология здесь расходятся. В частности, слово «мандаринский» не употребляется российским академическим и экспертным сообществом. Однако переводчик не хочет брать на себя роль арбитра в споре специалистов,

можно отправляться в кругосветку: почти везде обойдешься без переводчика. Хинди-урду и мандаринский понимают в двух самых населенных регионах мира, испанский проведет вас по изрядной части обеих Америк, а английский — почти универсальное лингвистическое средство. Вот тебе и весь Вавилон.

Из-за крупнейших языков мира, которым посвящена эта книга, угасают сотни и даже тысячи меньших. И это настоящая трагедия, потому что, исчезая, малые языки уносят с собой бесценные знания, скрытые в словах, историях и именах, — то, что Алок Рай называет «тонкой организацией мира, в котором мы живем». При этом доминирующие языки представляют собой гораздо большее лингвистическое, культурное и историческое многообразие, чем принято считать. Такой контраст придает «Вавилону» горечь пополам со сладостью: вавилонская двадцатка одновременно и опасна и прекрасна.

Это родные языки доброй половины населения мира; еще больше народу владеет ими в той или иной степени. О конкретных значениях опять-таки можно спорить, но уж с 75 % жителей Земли наверняка можно общаться на каком-то из языков вавилонской двадцатки. А вот менее эффектная, но более точная оценка: более 90 % человечества живет в странах, власти которых постоянно используют хотя бы один из языков двадцатки в качестве официального.

Как удалось этим языкам-гигантам достичь таких высот? История у каждого своя, но у большинства есть и общее: все они лингва франка — языки межнационального общения.

Два вавилонских лингва франка — суахили и малайский — началом своего процветания обязаны торговле. Позже

поэтому для обозначения рассматриваемого автором варианта китайского языка оставлен термин «мандаринский». Смысл, который в него вкладывает автор, разъясняется далее. (Примеч. перев.)

в нескольких странах они были выбраны в качестве государственных, но и сегодня на них больше говорят как на вторых, а не родных языках: они позволяют преодолевать языковые барьеры. Однако главным создателем и распространителем лингва франка всегда был империализм — именно он помог выбраться из колыбели персидскому, португальскому и английскому. У некоторых азиатских языков история похожая: арабский распространился благодаря халифату, мандаринский — благодаря ряду китайских династий, турецкий — благодаря османам, а вьетнамский — с помощью королей и войск вьетов. Многие европейские языки, подобно португальскому и английскому, отправились в путь на плечах колониальных империй. Испанский и французский плыли по морю, русский шел по земле. История колониальных времен повторяется и сейчас — по крайней мере, так полагают жители юга Индии, которые яростно сопротивляются внедрению хинди в качестве общеиндийского языка.

Пока что я упомянул тринадцать языков. Оставшиеся семь — это немецкий, японский, яванский, корейский и три южноазиатских языка: бенгальский, панджаби и тамильский. Назвать их лингва франка было бы натяжкой. Их объединяет то, что на них говорят в компактных, но густонаселенных регионах.

Разные истории успеха — лишь первое различие языков вавилонской двадцатки. Понятно, что у каждого из них свой словарный запас, своя грамматика и свой набор звуков. Их письменности различаются не только на вид, но и по функциональному устройству. Отношение народа к своему языку тоже бывает разным: это может быть почитание, гордость, бережность, а иногда равнодушие и даже — особенно у тех, для кого язык является вторым, — неприязнь вплоть до ненависти. И применяются языки двадцатки по-разному:

большинство, хотя и не все, в ходу у администраций и компаний; у некоторых сложились давние и богатые литературные традиции, литература на других мало развита; одни сохраняются у мигрантов на протяжении нескольких поколений, другие быстро отбрасываются. Всем этим языкам присуще внутреннее многообразие, но проявляется оно по-разному: часто вариант языка определяется регионом; иногда письменная версия отличается от устной; бывает, что разные языковые версии применяются в формальных и неформальных беседах; порой особым языком говорят с теми, кто занимает более высокое социальное положение, и так далее. Иными словами, помимо того что каждый язык из двадцатки является собой уникальную систему коммуникации, у него еще есть и собственная история и собственная культура. Каждый язык — особый мир.

В следующих двадцати главах (и еще одной бонусной полуглавке) я буду заглядывать в эти миры, начиная с самого маленького и двигаясь по мере их увеличения к «лингвистической сверхдержаве». Каждый рассказ будет посвящен определенному языку, но при этом в фокусе внимания будет одно определенное свойство этого языка. Например, что имеют в виду, когда утверждают, что русский и английский — родственные языки? Как неалфавитные письменности, такие как индийская и китайская, решают те же задачи, что и английский с его двадцатью шестью буквами? Если в Бельгии и Канаде нелегко поддерживать лингвистический мир, то как удается это делать в таких многонациональных странах, как Индонезия? Почему маленькая, но обладавшая множеством колоний Португалия умудрилась породить один из ведущих мировых языков, а Нидерланды этого не сделали? Почему японки говорят не так, как японцы? И как эта книга подарила ее автору двух вьетнамских племянниц?

О «Вавилоне» – несколько практических (непрактичных) обозначений

Каждая глава начинается с кратких сведений о языке, которому она посвящена: с его различных названий, лингвистической родословной, количества носителей, базовых сведений о грамматике, звуках и письменности, а также о заимствованных словах (основной источник заимствований и слова из этого языка, вошедшие в английский). Числа, конечно, приблизительные, потому что языковая статистика крайне ненадежна. Я рассматривал несколько оценок, отбрасывал неправдоподобные крайности, усреднял оставшееся и округлял до ближайшего броского числа.

Трудно изображать незнакомые звуки иностранных языков, не пользуясь международным фонетическим алфавитом, – а он мог бы отпугнуть непрофессионалов. Эту проблему я решал двумя путями. В большинстве случаев я пытался приблизительно передать звучание иностранных слов с помощью отсылки к английским обозначениям звуков (например /ee/, как в *bee*) или с помощью «континентальной» системы, где тот же звук будет обозначен как /i/ или, если имеет значение долгота гласного, как /ī/. В некоторых случаях, когда все это не срабатывает, я вставлял ссылки на свой сайт (languagewriter.com), где в меню *BABEL* есть страница со звуковыми файлами.

Упомянув слова, фразы и предложения в качестве примеров, я старался ради единообразия придерживаться следующих обозначений¹:

¹ Здесь приведены обозначения, используемые в русском переводе. Они несколько отличаются от авторских, поскольку основной текст перевода написан кириллицей и все иностранные вставки выделяются в нем просто за счет смены алфавита. (*Примеч. перев.*)

ПРЕДИСЛОВИЕ

<i>Babel</i>	Курсив: слова на иностранных языках. Курсив используется и для выделения
/baybl/	Две косых черты: фонетическая передача
«Вавилон»	Кавычки: перевод иностранных вставок на русский
(Вавилон)	Скобки: если перевод на русский приведен в скобках, кавычки опускаются

Ровно половина описанных в книге языков не использует латинский алфавит. Корейские, мандаринские и тому подобные слова были транслитерированы или транскрибированы латиницей¹. Для некоторых языков в ходу несколько различных систем записи, поэтому корейские, японские или арабские слова в этой книге могут выглядеть непривычно.

В «Вавилоне» упомянуты сотни иностранных слов, и я изо всех сил старался написать их правильно, но весьма вероятно, что некоторые ошибки все же прокрались в текст. Особенно это относится к неевропейским языкам. Я буду благодарен читателям за любые исправления — их можно присылать через страницу контактов на моем сайте languagewriter.com, и они будут учтены при переизданиях и переводах. Пока же давайте этим ошибкам порадуемся — ведь они показывают, что мы все еще живем в Вавилоне.

Гастон Доррен, 2018

¹ В русскоязычных публикациях чаще используют транслитерацию кириллицей, но, поскольку латинская транслитерация автора зачастую тесно связана с изложением, в ряде случаев она сохранена и в переводе. (*Примеч. перев.*)

ВЬЕТНАМСКИЙ

TIẾNG VIỆT

85 млн говорящих

Около 75 млн носителей вьетнамского живут во Вьетнаме, где это единственный официальный язык; полмиллиона – в Камбодже, около 2 млн – в США, значительное число – во Франции, Австралии, Канаде, Германии, Чехии и Великобритании. Помимо этого, вьетнамским как вторым языком владеет 5–10 млн жителей Вьетнама, представляющих в основном этнические меньшинства.

ВЬЕТНАМСКИЙ

САМОНАЗВАНИЕ	TIẾNG VIỆT, иногда TIẾNG VIỆT NAM или VIỆT NGŨ
СЕМЬЯ	Вьетнамский – самый широко распространенный член австроазиатской семьи, в которую входит и кхмерский, государственный язык Камбоджи. На меньших австроазиатских языках говорят сто с лишним меньшинств Юго-Восточной Азии и Восточной Индии.
ПИСЬМЕННОСТЬ	Латинский алфавит с добавлением впечатляющего количества диакритических (над-, под- и внутрисклонных) знаков. До начала XX века письменность базировалась на китайских иероглифах.
ГРАММАТИКА	См. основной текст.
ЗВУКИ	См. основной текст.
ИМПОРТ	В доисторические времена у соседей – тайских языков – заимствовались сельскохозяйственные термины. За последнюю пару тысяч лет, вплоть до середины XX века, вьетнамскому удалось прибрать к рукам целые залежи китайского; считается, что от 30 до 60% вьетнамских слов имеют китайское происхождение. В бытность Вьетнама французской колонией к вьетнамским фонологии и правописанию было адаптировано множество французских слов. В наше время во вьетнамский стали просачиваться английские слова. Примеры приведены в основном тексте.
ЭКСПОРТ	Вошедшие в английский вьетнамские слова обозначают в основном элементы вьетнамской культуры. Самое известное слово, вероятно, <i>pho</i> (PHỞ) – фо, популярный суп. Во время вьетнамской войны некоторые вьетнамские слова ненадолго проникли в жаргон американских военных. Например, <i>đi đi</i> (ĐI ĐI) – «убирайся!», <i>Quan Cảnh</i> (QUÂN CẢNH) – «военная полиция» и <i>so mot</i> (SỐ MỘT) – «лучший», буквально: «номер один».
ТРУДНОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ	Во вьетнамском языке сильны региональные различия, которые проявляются в произношении и словарном запасе, но не в грамматике. Это основная трудность для тех, кто изучает язык: различить основные диалекты легко, труднее научиться их понимать, особенно южные варианты. Даже у носителей северных диалектов возникают трудности с пониманием некоторых менее распространенных из южных. Рекомендуемый стандарт произношения основан на смеси южных и в большей степени северных особенностей.

20

Вьетнамский

Языковое скалолазание

В середине своего трехнедельного пребывания в Ханое я отваживаюсь произнести: *Bác học tiếng Việt một năm và rồi! — ой, нет: rồi! — rồi nhưng chưa có thể nói không được!*

Я выговариваю это с запинкой, но моя учительница Лван кивает, — наверное, я и правда смог сказать, что хотел: «Я учу вьетнамский уже полтора года, но говорить так и не научился». Неужели мне удалось выразить эту мысль? Если так, то это мое самое длинное — и самое парадоксальное — высказывание на вьетнамском.

Помедлив пару секунд, Лван качает головой:

— Давайте исправим ошибки.

Стараясь не обращать внимания на сосущее чувство под ложечкой, я говорю нарочито бодро:

— Почему? Разве неверно, что я не могу говорить по-вьетнамски?

— В вашем предложении несколько ошибок. — Она перечисляет их. — Теперь попробуйте снова.

— *Bác học tiếng Việt một năm rồi rồi nhưng chưa thể nói được.*

Мне нравится заниматься с Лван. Она хорошо говорит по-английски (впрочем, это не всегда на пользу), с ней весело и интересно, ей нравится учить языку и нравится учиться самой. Мы с ней ходили в музей, в книжный и в закусочную; она даже познакомила меня со своими друзьями. Лван — прирожденный учитель, но иной раз слишком строга. Вместо того чтобы хвалить меня за достигнутые успехи, она твердо верит в бодрящую силу упреков:

Храм Нефритовой горы в центре Ханоя. Веками большинство надписей делалось на классическом китайском. По-вьетнамски писали на модифицированном варианте китайских иероглифов

— Почему вы не знаете этого слова, *bác* (дядя)? Оно же нам вчера встречалось!

— Встречалось, конечно, но мне и половины встреченных слов не упомнить, *cháu* (племянница). Запоминать вьетнамские слова — *khó khǎn*, трудно!

— А должны бы помнить! Вы же хороший ученик!

Я приободряюсь.

— Но вы и правда не особо продвинулись в разговорной речи.

Я снова опускаю голову.

— Хотя и достигли некоторых успехов. Особенно в про-
изношении.

Но сейчас я не могу выдать из себя ни слова — редкая похвала совершенно выбила меня из колеи. Вот так мы и общаемся — моя двадцатилетняя учительница вьетнамского и я.

Как меня вообще угораздило ввязаться в эту авантюру: уехать от друзей и родных за шесть тысяч миль, чтобы осваивать язык, за который мало кто из иностранцев берется, если не считать редких иммигрантов? Что меня подвигло? Эта книжка.

Как я написал в предисловии, чтобы разговаривать с половиной жителей земного шара на их родных языках, достаточно выучить всего двадцать языков. И некоторым это удалось. Мне посчастливилось пожать руку американскому полиглоту Александру Аргуэльесу, который говорит на шестнадцати или семнадцати из языков, описанных в этой книге, и на куче других, которые в двадцатку не входят. Сам я в разное время изучал семь из двадцати (английский, немецкий, испанский, французский, португальский, русский и турецкий) — на некоторых свободно говорю, с большинством просто знаком. На какое-то время меня захватила идея выучить всю двадцатку. Но я быстро понял, что не успею овладеть даже азами за

то время, что отпущено мне издателем, банковским счетом и, в конце концов, самой жизнью. Так что я решил ограничиться одним, но трудным.

И вьетнамский показался мне самым подходящим. В отличие от многих других, например от арабского, хинди или корейского, для него не требовалось изучать совершенно новый алфавит или — не дай бог! — тысячи китайских иероглифов. А поскольку вьетнамскому предстояло стать героем первой главы, он позволил бы мне с самого начала книги коснуться самых разных особенностей иностранных языков. Был у меня и личный мотив: я предвкушал, как неожиданно заговорю с Туэт, нашей вьетнамской помощницей по хозяйству, на ее родном языке. Так что я выбрал самоучитель¹ и взялся за работу. Эта глава — отчет о ней.

Первое знакомство

Вид вьетнамских текстов ошеломляет: я не знаю других языков с таким обилием диакритики. В детстве меня поражала экзотикой папина *Paris Match* из-за всяких *é, à, î* и бесконечных апострофов, но по сравнению с вьетнамским французский — ничто. Не меньше девяти диакритических знаков (*á, à, â, ã, ă, ą, â, ă, đ* и *ơ* — мне нравится, что последнюю называют «усатым о») — язык для людей с острым зрением. Слова и даже буквы с несколькими диакритическими значками отнюдь не редкость: я быстро выяснил, что имя Туэт пишется *Tuế́t* и означает «снег».

Все эти значки обеспечивают правильность произношения, но крайне затрудняют запоминание. К счастью, у вьетнамской письменности есть и положительная сторона: почти

¹ Я благодарен *Assimil* за их курс вьетнамского. В конце книги есть раздел литературы, где перечислены источники, которыми я пользовался.

все слова односложные. Слова, в которых не больше шести букв, легче запоминаются, чем длиннющие монстры — любимцы немецкого, русского и турецкого.

Еще один плюс: вьетнамская письменность, в отличие от английской, довольно точно отражает произношение. Правда, не все правила чтения можно назвать интуитивно понятными. Зачем нужно записывать звук /z/ тремя разными способами и при этом игнорировать букву *z*? Да и звук /k/ можно было бы не писать тремя способами. (Правда, в английском тоже пишут *can*, *keep* и *queen*, а вовсе не *kan*, *keep* и *kween*.) Еще одна сложность вьетнамского — в различии между *t* и *th*: первый звучит как /t/, а второй — как /tʰ/, то есть звук /t/ с придыханием. В английском оба звука обозначаются одинаково: *t* — стоит ли жаловаться, что вьетнамцы предпочитают большую точность?

В целом я бы назвал вьетнамское произношение легким, если закрыть глаза на небольшую — размером со слона — подробность: тоны. Этими самыми тонами одержимо большинство восточноазиатских языков. Каждое слово произносится с использованием определенного тона — одного из шести. Я знал об этом заранее, но надеялся, что как носитель регионального тонового языка (лимбургского) обойдусь малой кровью. Ничего подобного: шесть тонов не идут ни в какое сравнение с привычными мне жалкими двумя. Чуть промахнешься с тоном — и «здесь» превратится в «там» (*đây*, *đáy*), а значение *đi* изменится с «иди» на «проститутку» (*đĩ*), «мошонку» или «дурное обращение» (и то и другое обозначается словом *đĩ*). К счастью, тут на помощь приходит вьетнамское правописание: пять из девяти диакритических значков призваны обозначать правильный тон, а шестой тон определяется отсутствием этих пяти значков. Так что вьетнамскую письменность можно рассматривать и как текст и как партитуру.

Вьетнамская грамматика коварна. На первый взгляд она проста там, где я привык ожидать трудностей. Спряжение глаголов — тяжкий крест большинства европейских языков? Тут и говорить не о чем: просто добавьте горстку частиц, которые никогда не меняются, да и те часто можно опустить. Падежи, как в латыни, греческом, славянских языках, датском и немецком? Их нет вовсе. Нестандартные числительные, как в славянских языках¹, датском и немецком? Во вьетнамском вообще нет числительных в нашем понимании. И как следствие всего этого, никаких окончаний! Вьетнамские слова никогда не меняются — стоят как скалы. Трудно поверить, но это так.

Но стоило мне вообразить, будто вьетнамский проще, чем я думал, как из табакерки повыскакивали чёртики.

Чёртик первый: личные местоимения, которые... тут не знаешь, с чего и начать! Беда в том, что вьетнамских местоимений страшно много. Невозможно просто сказать «я» или «вы», потому что этих «я» и «вы» целая прорва. Выбирая нужное, приходится исходить из гендерных соображений и при этом не упускать из виду уважение и возраст. Выбор местоимения определяется взаимоотношениями. Даже если взять для «я» самое нейтральное вьетнамское местоимение *tôi*, то ничего нейтрального не получится: вы покажетесь жутко равнодушным, что, конечно, не прибавит вам популярности.

Гораздо чаще нейтральных или сдержанных местоимений встречаются те, что в буквальном переводе обозначают различные родственные отношения. Если вы немного старше меня, я к вам обращаюсь: *anh* (старший брат) или *chị* (старшая

¹ Заметим, что славянские языки во многих смыслах полная противоположность вьетнамского. Долгие десятилетия СССР был главным союзником Вьетнама, что заставило два поколения его граждан мучиться, изучая русский (славянский язык).

сестра), а себя обозначу местоимением *em* (младший сиблинг). А если вы моложе, то вас я буду называть *em*, а себя (учитывая, что я мужчина) — *anh*. Заметьте, что все три слова могут означать как «я», так и «ты», в зависимости от того, кто и к кому обращается. Если во вьетнамской книжке персонажи используют в диалоге эти местоимения, то первым делом нужно по контексту понять, кто из них старше, чтобы определить, какое местоимение к кому относится. Если же разница в возрасте велика, то в ход идут три других местоимения. В приведенном выше диалоге мы с Лван называем друг друга *bác* и *cháu* (в буквальном переводе «дядя/тетя» и «племянница/племянник») именно потому, что по возрасту я близок к ее родителям. Кстати, я вставлял эти слова не ради местного колорита — вьетнамцы их часто употребляют, даже говоря по-английски.

Чёртик второй: лабиринтообразные предложения, как я их называю. Конечно, когда начинаешь учить язык, многое ставит в тупик. Это нормально. Но в других языках, даже если не знаешь значения слова, обычно знаешь, что это за слово. Бесчисленные подсказки — окончания, артикли, местоимения и тому подобное — помогают разобраться, сбил ли тебя с толку глагол, озадачило существительное или обескуражило прилагательное. Это утешает и ободряет, как возможность различать хотя бы слабые контуры предметов в темноте. Однако во вьетнамском нет ни окончаний, ни артиклей, зато местоимений переизбыток; в итоге предложение может оказаться совершенно загадочным.

Скоро я обнаружил еще одно затруднение. Многие обыденные вьетнамские слова могут быть и глаголами, и существительными, и предлогами, и другими частями речи, причем их значения при этом могут быть как близкими, так и совершенно разными. *Chí* может означать «указывать» или «только».

Ở часто значит «у», но может значить и «быть, оставаться». Là может значить «быть» (есть, был, была, были и так далее), а также «что» (во фразах типа: «она сказала, что»). А у слова *điều*, как меня предупредили, столько значений и грамматических ролей, что можно только надеяться когда-нибудь путем долгой-долгой практики хотя бы начать их постигать.

Есть и еще чёртик: порядок слов. С порядком базовых слов все просто: подлежащее, глагол, дополнение — как в английском. Прилагательные после глаголов — это уже не так, как в английском, но зато как во французском и испанском. А вот другие вьетнамские слова и фразы, к сожалению, блуждают где хотят. Один из вариантов слова «очень» ставится перед прилагательным (*rất lớn* — очень большой), а другой норовит стать после (*lớn lắm* — большой очень). Если *khi nào* (когда) поставить в конце предложения, то получится отсылка к прошлому, а если в начале, то к будущему. Одна частица для обозначения прошедшего времени (*đã*) ставится перед глаголом, другая (*rồi*) — после. И так далее, до полного сумасшествия.

В произношении и грамматике есть свои трудности, но кое-что совсем просто. А по части словарного запаса послаблений не ждите. Я-то думал, что европейское влияние, начавшееся в конце XIX века, принесло во вьетнамский кучу заимствований. Дудки! За исключением имен собственных и редких слов иностранного происхождения вьетнамский текст состоит из совершенно диких последовательностей букв (от одной до шести), которые приходится просто зазубривать. Сами понимаете, такая перспектива меня не сильно воодушевила.

Не вдохновили и первые столкновения с языком. Когда на конференции TED в своей лекции о том, какие преимущества дает личности и обществу владение несколькими языками, я упомянул о своем вьетнамском квесте, ко мне обратился симпатичный молодой человек восточноазиатского вида.